

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

А.П. КОЧЕТКОВ

Национальное государство в условиях глобализации

В статье рассматривается роль и место национального государства в период формирования глобально-информационного общества. Особое внимание уделяется взаимоотношениям национальных государств, гражданского общества и транснациональных структур, анализу возможностей последних взять на себя функции национального государства в современном мире. Затрагиваются вопросы изменения системы государственного управления в новых исторических условиях.

Ключевые слова: национальное государство, глобализация, гражданское общество, демократия, элиты, глобально-информационное общество.

The article considers the role and place of a national of the state in the period of formation of global information society. Special attention is paid to the relationship of the national States, civil society and transnational structures, and analysis of opportunities for the last assume the functions of a national state in the modern world, touching upon issues of changes in the system of state management in the new historical conditions.

Keywords: national state, globalization, civil society, democracy, elites, the global-information society.

В процессе формирования глобально-информационного общества и трансформации существующей системы международных отношений важной и актуальной задачей становится определение в этих условиях роли и исторических перспектив национального государства. В западной политической науке можно выделить два направления, крупнее отражающие основные подходы к изучению данной проблемы. Представители **политического реализма** Х. Булл, Р. Гилпин, Г. Моргентау, К. Уолц и др. [Булл, 2002; Gilpin, 2002; Morgenthau, 1955; Waltz, 1959] считают государство главным актором на мировой политической арене, хотя при этом признают важность и других “игроков”, таких как Всемирный банк и МВФ. Сторонники **либерального интернационализма** – Р. Кохэн, Дж. Най, Дж. Розенау, В. Хантли [Най, Кохэн, 2002; Rosenau, 2005; Huntley, 1996] – высказываются за создание некоего органа международного управления, наделенного соответствующими властными полномочиями и организованного по типу либо мировой федерации или конфедерации, которая предполагает наличие некоего мирового правительства с наднациональной властью. Вариантом этой

Кочетков Александр Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

модели выступает децентрализованная и плюралистическая система международного управления в традициях функционализма (подробнее см. [McGrew, 2002; Барабанов, 2009]).

В российских гуманитарных науках, в том числе и в политологии, анализируются лишь отдельные аспекты рассматриваемой проблемы (см. [Лукашук, 2000; 2002; Дробужева, 2000; Салмин, 2001; Блинов, 2003; Беспалов, 2006; Ильин, 2000; Ильин, Иноземцев, 2001; Картунов, 2009; Баграмов, 2010]). Однако они не дают окончательного ответа на вопрос о значении национального государства в период формирования глобально-информационного общества и перспективах его дальнейшего развития. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех аспектов указанной темы, определенный вклад в ее разработку призвана внести данная статья.

Анализ развития глобализации мирового сообщества показывает возрастание роли транснациональных корпораций (ТНК). В начале XXI в. в мире действовало 64 тыс. ТНК, контролирующих 830 тыс. иностранных филиалов. Материнские компании расположены главным образом в развитых странах (50,2 тыс.), а большее число филиалов приходится на развивающиеся страны (495 тыс.). На предприятиях ТНК работают 73 млн человек (10% всех занятых в несельскохозяйственном производстве), которые ежегодно производят продукции более чем на 1 трлн долл. С учетом различной инфраструктуры и смежных отраслей ТНК обеспечили работой 150 млн человек. Иначе говоря, на долю ТНК приходится около 50% мирового промышленного производства и свыше двух третей внешней торговли. Они контролируют примерно 80% патентов и лицензий на изобретения, новые технологии и ноу-хау. До 50% экспортных операций США осуществляются американскими и зарубежными ТНК; в Великобритании аналогичный показатель составляет 80%, в Сингапуре – до 90% [Кочетков, 2012, с. 53, 54].

Все это позволяет утверждать, что движущей силой глобализации выступают транснациональные корпорации и банки. Под мощным воздействием глобальной экономики и глобальной политики начинает размываться автономность национального государства, его самостоятельность и способность выполнять ряд важных функций. Так, по мнению Д. Фридмана, “по мере того, как экономика становится все более взаимозависимой на глобальном уровне, все меньше местные и региональные власти могут с помощью существующих механизмов решать проблемы повседневной жизни своих граждан. Традиционные структуры социального и политического контроля, используемые властями для решения проблем развития, создания рабочих мест и распределения создаваемого богатства, разрушаются под влиянием интернационализации экономики и потоков обмена информацией между мощными акторами, чья деятельность находится вне сферы регулирования государства” [Friedmann, 1995, р. 95]. Сторонники гиперглобализма полагают, что в условиях формирования единого мирового экономического пространства государства-нации вообще будут не нужны: они “становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики” [Хелд, 2004, с. 3].

Действительно, глобализация сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать свои экономики, а также отчасти сферы политики и культуры. Постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет степень влияния на принятие решений общегосударственного масштаба как рядовых граждан, так и сформировавшихся групп давления (интересов). Иначе говоря, в условиях глобализации субъекты принятия решений становятся менее доступными, а их решения – менее понятными для общества. Необходимость предварительной тщательной проработки вопросов закономерно приводит к интенсификации контактов между национальными элитами. Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных ассоциаций и конференций негосударственных объединений стимулирует формирование взаимозависимых элит. Образуется отчетливо осознающая свою автономность транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам, а это значит, что процессы глобализации усиливают политическую власть элит.

В то же время их способность контролировать национальные электораты снижается. Принимаемые на наднациональном уровне решения нередко стимулируют проведение политики, входящей в противоречие с интересами национальных электоратов. Отсюда – недоверие и подозрительность последних по отношению к своим элитам, которые становятся объектом критики со стороны национальных движений. Опосредованным эффектом процессов глобализации выступает возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, считавшееся нормой в историческом прошлом.

Принятие решений на мировой арене все больше зависит от весьма жестких рамок, которые устанавливают различные наднациональные структуры (например, МВФ, Всемирный банк). Многочисленные международные организации, а также транснациональные промышленные и финансовые корпорации постепенно формируют весьма влиятельную систему наднационального правления, с которой национальным государствам приходится считаться. Происходит своего рода “передислокация” власти, усиление так называемой субполитики, которая действует “вне парламентской системы, не в оппозиции к ней, а просто ее игнорируя” [Beck, 1992, p. 223; Beck, 1996]). Роль национальных правительств в ряде важных вопросов становится все более ограниченной и формальной, а традиционные механизмы регулирования общественной жизни оказываются неэффективными.

В то же время во многих странах мирового сообщества (например, в Ирландии, Ираке, Афганистане, Индии, Испании, Италии, Бельгии, Великобритании, Канаде, США и у нас в России) значительно усилились этнические конфликты, которые приобретают глобальный резонанс. Для многих людей в наши дни общенациональная и цивилизационная идентичность утрачивают свое значение, на первый план выходит этническая общность. Это приводит, как справедливо отмечает В. Дресслер-Холохан, к отторжению от “общей” культуры и ее ценностей, а в конечном счете, к сегментации общества [Дресслер-Холохан, 1995, с. 26]. Так, уже к середине 1990-х гг. около 90% европейцев идентифицировали себя прежде всего со своей национально-этнической общностью или и вовсе со своим регионом [Костина, 2005, с. 125].

Впрочем, этнический “раскол” угрожает Европе и по другой причине: наряду с сокращением коренного населения европейских стран количество иммигрантов из “третьего мира” в них превысило все допустимые нормы. Иммигранты продолжают исповедовать свои религии и соблюдать свои обычаи, часто игнорируя законы и традиции страны проживания. Это усиливает социальную напряженность в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Нидерландах и других западных обществах, порождает межнациональные и межконфессиональные конфликты. Аналогичным образом, по мнению С. Хантингтона, постоянный приток иммигрантов из Латинской Америки грозит разделением США на два народа, две культуры и два языка [Huntington, 2004].

На мой взгляд, возрастание этнической сегментации общества свидетельствует не только о подрыве основ национального государства, но и о возможности перехода его в другое качество. Приобретая ярко выраженный этнический характер, национальное государство будет стремиться сплотить государствообразующую нацию и таким образом противодействовать негативным для себя последствиям глобализации.

Несмотря на распространение в последние десятилетия демократических режимов в разных регионах мира и формальное признание демократических ценностей на всех континентах, усиливается недовольство граждан многих государств тем, как функционирует демократическая система, растет недоверие к механизмам и институтам демократии. Скепсис и разочарование по их поводу приобретают глобальный характер. Об этом свидетельствуют данные крупнейшего социологического исследования, проведенного в 2006 г. в странах Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы [Voice... 2006]. Отчасти это вызвано проблемами, которые встают перед “новыми демократиями” в развивающихся странах, где сложный период их становления часто сопровождается откатами к авторитаризму.

Кризис демократии имеет место и в странах Запада, где у нее давние и прочные традиции. В 2000-х гг. только 43% граждан США и Канады считали, что правление в

их стране действительно демократическое, то есть соответствует воле народа (против утверждения – 52%). В странах Евросоюза данные показатели составили, соответственно, 33 и 61%. Жители этих стран критикуют “закрытость” власти, отсутствие эффективных каналов “обратной связи” между государством и обществом [Voice... 2002; Voice... 2006; Dulto, 2004].

Все это заставляет граждан искать новые формы общественного управления, позволяющие реально учитывать их мнение в решении важнейших общественных проблем. Вот почему возрастает интерес социально активных граждан к институтам и структурам гражданского общества, которые помогают в практической реализации их гражданских прав и защищают от негативных действий правящей бюрократии.

Становится все более ограниченным контроль современного государства и над собственной территорией за счет экономического, военного, политического и информационного проникновения других государств (прежде всего, мировых и региональных сверхдержав), развития интеграционных процессов и образования различного рода межгосударственных объединений и блоков. Усиливается, как уже было отмечено, подчинение государств интересам ТНК и других транснациональных организаций, также располагающих средствами контроля над территорией (например, правом на использование недр, ресурсов морского шельфа и пр.). Это очень важный момент, связанный как с глобализацией, так и со снижением способности государства конкурировать, выполнять свои функции на надлежащем уровне [Блинов, 2003, с. 84].

По мере нарастания глобализации все большая часть государственного суверенитета перераспределяется между локальными, региональными и всемирными регулирующими институтами по принципу субсидиарности, согласно которому властные полномочия национальных государств делегируются на тот институциональный уровень – надгосударственный либо субгосударственный (региональный, муниципальный), на котором данная конкретная общественная потребность удовлетворяется наилучшим образом [Шишков, 2001].

На современном этапе общественного развития в национальных государствах наблюдается раскол политического истеблишмента и деловых кругов на космополитизированные и национально-ориентированные группировки, которые совершенно по-разному понимают общенациональные интересы и оценивают их значимость. Причем этот раскол происходит и на Западе, и на Востоке. “Космополиты” полагают, что политика, определяемая императивами глобализации, – единственно верный способ достижения прогресса, а не просто неизбежное и не всегда приятное условие существования национальных государств в современном мире. Недовольство такой политикой расценивается исключительно как проявление узости и косности сознания рядового человека. Новый космополитичный правящий слой, который Хантингтон называл “мертвыми душами” [Huntington, 2004, p. 9], все больше утрачивает национальную идентичность и связь со своей национальной почвой.

В то же время во многом справедливо суждение о том, что передачу государством части своих функций на субнациональный уровень можно расценивать не как его слабость, а наоборот, как проявление силы, точного расчета. По линии “национальное государство – суверенитет – глобализация” образовалось фундаментальное противоречие в виду того, что эти явления находятся в определенном антагонизме из-за разнонаправленности определяющих их суть процессов, векторов развития – центробежных и центростремительных начал. Нивелирование указанного противоречия, с одной стороны, возможно через появление новых форм публично-властной организации современного общества, а с другой – через выстраивание глобальной иерархии государств (в последнем случае может произойти своеобразное “перетекание” суверенитета от одних субъектов к другим) [Блинов, 2003, с. 84–85].

По моему мнению, сегодня потенциал национальных государств далеко не исчерпан. Такие государства активизировали свою деятельность на мировом рынке. Усилилась роль их правительства в выработке совместной стратегии регулирования мирового рынка, особенно отдельных его сфер. Это связано с тем, что даже самые могуществен-

ные ТНК не в состоянии регулировать стихийные процессы мирового рынка и вынуждены прибегать к помощи государств. А благодаря научно-техническому прогрессу появились новые средства согласования решений [Нечай, 2010].

Особенно заметны действия правительств и центральных банков национальных государств по координации валютно-кредитной и общеэкономической политики в период возникновения критических ситуаций на мировом рынке. Так, во время кризиса 2008 г. Программа антикризисных мер правительства РФ затронула все сферы социально-экономической жизни общества: социальную поддержку населения, обеспечение макроэкономической стабильности, поддержку системообразующих предприятий, создание условий для макроэкономического развития в новых условиях. Особое значение придавалось нормализации функционирования финансового сектора, в первую очередь банковской системы и фондового рынка. Денежная политика предусматривала поддержание равновесного курса рубля, повышение ликвидности в финансовой сфере при одновременном снижении инфляции [Программа... 2009]. Определенная координация глобализационного процесса осуществляется такими влиятельными, общепризнанными международными организациями, как ООН, ВТО, МВФ, группа Всемирного банка, Лондонским и Парижским клубами кредиторов, региональными интеграционными объединениями, ведущими межправительственными “клубами” в разных регионах мира (АТЭС и др.).

В то же время основную нагрузку в борьбе с терроризмом несут национальные государства. Например, ими созданы и активно действуют в борьбе с терроризмом такие организации, как Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН и Антитеррористический центр СНГ. Именно ведущими государствами мира после 11 сентября 2001 г. была сформирована контртеррористическая коалиция. Россия тогда выступила с инициативой создания Глобальной системы противодействия современным угрозам и вызовам.

В настоящее время наднациональные структуры неспособны в одиночку без активного участия национальных государств решать стоящие перед человечеством глобальные проблемы разоружения, предотвращения новой мировой войны, экологии, демографии, энергетики, сырьевых ресурсов, обеспечения человечества необходимыми продовольственными ресурсами, борьбы с терроризмом, с мировыми экономическими кризисами. Это заставляет отдельные государства укреплять свои внутренние основы, гибко чередовать демократические и авторитарные методы управления для решения наиболее важных общественных проблем. Так, США для борьбы с терроризмом не остановились перед ограничением некоторых демократических свобод. Кроме того, укрепление национального государства для правящих национальных элит – средство удовлетворения своего экономического интереса, стремление использовать идею нации для извлечения определенной прибыли из трудноконтролируемых процессов глобализации.

Обеспечить устойчивое развитие национальных государств в условиях развития процесса глобализации и перехода всего человечества к глобально-информационному обществу возможно только при существенной трансформации всей системы государственного управления. Отсюда особую важность и актуальность приобретает правильный выбор модели реформирования национального государственного управления в новых исторических условиях.

Проявлявшаяся с 1980-х гг. общемировая тенденция – уменьшение роли национального государства путем передачи его функций либо на надгосударственный уровень, либо на более низкий (от не зависящих от правительства агентств до уровня муниципалитетов) после мирового финансово-экономического кризиса начала XXI в. – сменилась тенденцией “возвращения государства”. Так, в США (как, впрочем, и в России) усилился государственный аппарат, влияние государственной администрации на финансовые потоки и структуры.

Однако многие современные исследователи видят решение проблемы реформирования национального государства в условиях бурного развития глобальных мировых

трансформаций не только в отказе от командно-императивных методов государственного управления, но и в превращении координационной функции государства в парадигму всей его деятельности (см. [Varieties... 2001; O'Flynn, 2007; Меркулов, 2007]). Сущностные черты координационного подхода к государственному управлению состоят в следующем:

- государство отказывается от собственности и в этом смысле перестает быть непосредственным агентом действия; оно берет на себя роль “трансформатора”, то есть координирует, регулирует экономические отношения, оказывает помощь одним, сдерживая монополизм других, повышая тем самым конкурентоспособность экономики в целом;

- среди управленческих функций государства центральной становится функция координации как во внешней среде, по отношению к объектам государственного регулирования, так и во внутренней, в системе управленческих отношений по их вертикали и горизонтали;

- координация, регулирование, то есть реализация трансформативных способностей государства не может не включать когнитивного (соединяющего) компонента. Важнейшими элементами коммуникации становятся контакты, культура, знание, взаимное доверие и взаимная ответственность участников общественных процессов.

В связи с возрастанием значения информационно-сетевых факторов в жизни современного общества повышается роль сетевой координации, которая основывается скорее на лидерстве, чем на формальном руководстве и управлении [Сморгунов, 2012, с. 68]. Переход к более гибкому сетевому управлению потребует новых стилей лидерства, полностью чуждых менеджеру-бюрократу. А. Бард и Я. Зюдерквист полагают, что в глобально-информационном обществе иерархия власти будет выстраиваться на основе членства в тех или иных сетях во главе с лидерами – кураторами сетей. Последние станут не только координировать всю сетевую деятельность, но сосредоточат в своих руках всю полноту власти и влияния. В определении статуса этих лидеров главным будут не деньги и титулы, а знания, контакты, кругозор и другие подобные качества, которые повышают статус сети и делают ее могущественнее и конкурентоспособнее [Бард, Зюдерквист, 2004].

При изменении функций государственного управления в новую эпоху необходимо дать ответ на следующие вопросы. Оставляет ли государство в случае, если функция координации становится основной в его деятельности, за собой важнейшие властные рычаги государственного управления или они переходят другим акторам? Если не оставляет, то на каком основании иные акторы современного политического процесса должны признавать за таким государством координирующую роль всех общественных процессов и основного носителя общественных ценностей? На основе взаимного доверия и ответственности? Но это слишком хрупкий фундамент для сколько-нибудь устойчивых договоренностей в реальной политике. Превращение координации в главную функцию государственного управления сможет реализоваться на практике, если основные политические мировые игроки (государство – элиты – гражданское общество) в течение длительного времени будут решать все проблемы переговорами. Тогда “доверие и ответственность” обретут устойчивость, станут всеми признаваемой традицией. Но, к сожалению, это скорее идеал!

Более вероятен другой вариант: превращение национального государства в координатора, а не управляющего всех социальных процессов. Лишенное властных рычагов, оно начнет играть в странах мирового сообщества такую же роль, как ООН в международных отношениях – координировать, а управлять станут другие политические игроки, симбиоз верхушки политических и бизнес-элит – корпоративные элиты, которые и будут определять координационную политику нового государства в своих интересах. В этом случае активность гражданского общества будет подавляться корпоративными элитами, использующими для реализации своих целей государство-координатора. Подобный оборот во многом представит собой обновленную версию старой концепции “государство-ночной сторож”, которая, по существу, минимизирует государство.

При всех вариантах изменения роли и функций национального государства в современном мире нельзя забывать, что государство – особый исторически сложившийся политический институт, который, в отличие от других структур, характеризуется:

- наличием особой группы людей, осуществляющей верховную власть, делегированную ей большинством общества, и выполняющей функции управления общими делами;

- монополией на принуждение в отношении своих граждан в интересах всего общества;

- правом от имени общества осуществлять внутреннюю и внешнюю политику;

- исключительным правом издания законов и правил, обязательных для всего населения в пределах данной территории;

- правом взимания налогов для собственного содержания и прочих общественных нужд.

Отказ от этих функций выхолостит сущность института государства и превратит его в никчемную структуру. Сегодня в мире нет экономики, которая бы в той или иной степени не управлялась государством. Везде, где страна осуществляла быстрый рывок в экономическом развитии, государство не было нейтральным, а оказывало существенное воздействие на технический и экономический прогресс. Наличие в большинстве развитых стран мирового сообщества значительного государственного сектора экономики – факт, говорящий сам за себя. Продолжают играть важнейшую роль социальные функции государства, что придает ему легитимность в глазах подавляющего большинства граждан. Почти половина населения в ряде стран Западной Европы получает первичные доходы или часть их от государства за счет занятости в общественном секторе либо благодаря выплатам пенсий и пособий из фондов социального страхования.

В эпоху современного научно-технического процесса неизмеримо велика роль государства в области информации. Сегодня она стала одной из ведущих. Ее содержание многопланово: это деятельность информационно-пропагандистская и информационно-управленческая, информационно-производственная и информационно-культурная.

Ныне государство немыслимо без институтов, обеспечивающих общие права человека и систему главнейших социально-политических и правовых ценностей, а также единого языка (или нескольких общих языков) как средства общения. Политическое сообщество людей возможно при наличии единого экономического и культурного пространства. Наконец, любое государство существует не в социальном вакууме, а в рамках мирового сообщества, что определяет его признаки в качестве субъекта этого сообщества.

Анализ развития современной ситуации показывает, что минимизация роли государства осуществляется прежде всего в интересах корпоративных элит, а не гражданского общества, сегодня не имеющего столько ресурсов и влияния. Совершенно справедливо Л. Сморгунов осторожно подходит к проблеме кризиса суверенитета национального государства, полагая, что “остается открытым вопрос, действительно ли государство теряет значение основного политического актора в глобальном мире или происходит модификация суверенитета, и государство продолжится и, что главное, будет продолжать играть основную роль в мировом порядке” [Сморгунов, 2012, с. 333].

Вот почему так важно установить устойчивый баланс в триаде “государство – гражданское общество – элиты” как главных субъектов современного мирового политического процесса (систему сдержек и противовесов), что не даст возможности отказаться от демократического государственного управления и развития мирового политического процесса на демократической основе. Примером здесь может служить предложение, содержавшееся в докладе группы Ж. де Ларозьера¹, о создании на уровне Европейского союза наднациональной структуры – Европейской системы финансо-

---

¹ Ж. де Ларозьер – один из ведущих европейских финансистов, бывший исполнительный директор МВФ.

вого наблюдения, призванной наладить систематический контроль над финансовыми структурами, но сохраняющей нейтралитет относительно национальных органов государственного управления [Клинова, 2010, с. 22].

Роль, положение и сила национальных государств в будущем будут определяться характером их реакции на вызовы глобализации, реальной готовностью к адекватному ответу и способностью мобилизовать необходимые ресурсы для решения глобальных проблем современности. По словам И. Лукашук, особенность названных проблем заключается в том, что они могут быть решены лишь совместными усилиями государств, но для этого “необходим более высокий уровень управления социальными процессами, как на национальном, так и на глобальном уровне” [Лукашук, 2000, с. 232]. В управленческих услугах государства будут нуждаться до тех пор, пока затраты общества на них окупаемы, разумны и соразмерены с ожидаемой продуктивностью. Э. Геллнер считает, что отказ от идеи национального государства маловероятен, а проблемы коммуникации будут сглаживаться даже при различии языков, так как высокоразвитый индустриализм порождает глобальную культуру со взаимопонимаемыми смыслами [Геллнер, 1995; 2002].

Создание полностью унифицированной системы глобального порядка не представляется возможным в ближайшие десятилетия, хотя этому будет способствовать дальнейшее сближение правовых систем. Но на пути подобных процессов станет колоссальное многовековое влияние национальных культур, религий и ценностей на формирование конкретных мегасоциумов и общественных укладов. Не исключено, что процесс тотальной унификации будет остановлен стремлением человечества сохранить конкурентные начала цивилизации в качестве источника прогресса и развития, эффективного использования энергии конфликта и соревновательного потенциала разных систем. Уже сейчас можно наблюдать всплеск противоречий между ценностями западного мира, рожденными в лоне европейской модели цивилизации, и ценностями мусульманского, конфуцианского и других миров. Это глобальный спор между ведущими цивилизациями мира не только по поводу наилучшей модели организации общества, но и относительно сохранения своего права исторической национально-государственной субъектности.

В целом процесс трансформации национального государства в условиях глобализации идет противоречиво. Наряду с наличием явных признаков его ослабления, национальное государство в настоящее время обладает значительным потенциалом, чтобы претендовать на роль одного из основных акторов глобально-информационного общества. В обозримом будущем оно сохранит свое доминирующее институциональное положение в мировом политическом процессе. Однако для этого сегодня ему необходимо отказаться от излишней регламентации общественной деятельности на своей территории, перераспределить часть своих управленческих функций в пользу структур гражданского общества, делегировать некоторые из них новым наднациональным организациям, имеющим всеми признанный авторитет на международной арене. Объем функций, которые национальное государство станет передавать транснациональным организациям и структурам гражданского общества в условиях глобализации, будет определяться способностью и возможностью последних брать их на себя, изменив тем самым исторически сложившуюся его роль как главного института общественного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. 2010. № 2.

Барбанов О.Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. № 2.

Бард А., Зюдерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.

- Беспалов М.В.* Национальное государство как субъект глобализации в условиях трансформации социально-экономической системы. Тамбов, 2006.
- Блинов А.* Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М., 2003.
- Булл Х.* Теория международных отношений: пример классического подхода // Теория международных отношений: хрестоматия. М., 2002.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002.
- Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
- Дресслер-Холохан В.* Национальные движения, интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.
- Дробижева Л.М.* Возможность либерального этнонационализма // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. М., 2000.
- Ильин М.В.* Россия и вызовы XXI в. // Доклад на пленарном заседании II Всероссийского конгресса политологов "Россия. Политические вызовы XXI в.". М., 2000.
- Ильин М., Иноземцев В.* Новая жизнь традиционных укладов // Мегатренды мирового развития. М., 2001.
- Клинова М.* "Возвращение" государства: "скорая помощь" в кризисе или устойчивая тенденция? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5.
- Кортунов С.В.* Национальные интересы России в мире. М., 2009.
- Костина А.В.* Этнокультурный ренессанс начала XXI в. // Культура на рубеже XX–XXI вв.: Глобализационные процессы. М., 2005.
- Кочетков А.П.* Корпоративные элиты. М., 2012.
- Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3.
- Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI в. М., 2000.
- Меркулов В.М.* Координация в политике и управлении // Государственная политика и управление. Ч. 2. Уровни, технологии и зарубежный опыт государственной политики и управления. М., 2007.
- Най Д.С., Кохэн Р.О.* Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений. М., 2002.
- Нечай А.* Глобализация мировой экономики и роль государства // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4.
- Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. Утверждена Правительством РФ 19 июня 2009 г. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068944/>).
- Салмин А.М.* Новая система мира. Belle époque возвращается? // НГ-Сценарии. 2001. 10 июня.
- Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI в. СПб., 2012.
- Хелд Д.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. СПб., 2004.
- Шишков Ю.* Внешнеэкономические связи в XX в. От упадка к глобализации // Международная экономика и международные отношения. 2001. № 8.
- Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. London, 1992;
- Beck U.* World Risk Society as Cosmopolitan Society? // Theory, Culture and Society. 1996. № 13.
- Dulto K.* Democratic Challenges – Democratic Choices. The Erosion of Political Support in Advanced Industrial Democracies. Oxford–New York, 2004.
- Friedmann J.* Where We Stand: a Decade of World City Research // World Cities in a World World-system. New York, 1995.
- Gilpin R.* A Realist Perspective on International Governance // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. Cambridge, 2002.
- Huntington S.* Dead Souls: the Denationalization of the American Elite // The National Interest. 2004. Spring.
- Huntington S.* Who we are? The Challenges to America's National Identity. New Delhi, 2004.
- Huntley W.* Kant's Third Image: Systematic Sources of the Liberal Peace // International Studies Quarterly. 1996. № 1.
- McGrew A.* Liberal Internationalism: Between Realism and Cosmopolitanism // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. Cambridge, 2002.

- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York, 1955.
- O'Flynn J.* From New Public Management to Public Value: Paradigmatic Change and Managerial Implications // The Australian Journal of Public Administration. 2007. Vol. 66.
- Rosenau J.* Globalization, Security, and the Nation State. Paradigms in Transition. New York–Albany, 2005.
- Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantages. Cambridge, 2001.
- Voice of the People. What the World Thinks on Today's Global Issues. A Gallup International Survey, 2002 (http://www.globescan.com/news_archives/Trust_Survey.pdf).
- Voice of the People. What the World Thinks on Today's Global Issues. A Gallup International Survey, 2006 (<http://campus.murraystate.edu/faculty/mark.wattier/GallupVOPterror2006.pdf>).
- Waltz K.* Man, State and War: a Theoretical Analysis. New York, 1959.

© А. Кочетков, 2014

Сдано в набор 21.04.2014	Подписано к печати 03.07.2014	Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆	Цифровая печать	Усл. печ.л. 14,3
Уч.-изд.л. 18,5	Бум.л. 5,5	Тираж 273 экз.
		Усл.кр.-отт. 4,0 тыс.
		Зак. 280
		Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099